

Д. Н. ПРИТТ
(АНГЛИЯ)

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО СУДА В КЕНИИ

Колониализм, во власти которого еще не так давно находились значительные части четырех из пяти материков мира, рушится на наших глазах. Уже недалеко то время, когда историки будут изучать как мрачную страницу прошлого те методы, при помощи которых империализм пытался предотвратить свой общий крах, помешать угнетенным народам добиться своего национального освобождения. Очевидно, что при изучении этого вопроса исследователь не сможет пройти мимо позорной практики колониального суда.

В любой несоциалистической стране закон и суды, стоящие на его страже, являются неотъемлемой частью аппарата, созданного правящим классом для подавления народа. В колониях этот аппарат имеет особую форму. Здесь суд — не столько орудие господства капиталистов над пролетариатом, сколько средство подчинения и угнетения колонизаторами туземного населения.

Все формы, все проявления угнетения в колониях грубее, чем в метрополиях. Во многих колониальных странах любой судья, мелкий судейский чиновник, а нередко и единственный в округе адвокат принадлежат к господствующей нации. При этом даже самый добросовестный из этих судей, как бы он ни старался показать себя беспристрастным, неизбежно остается в душе «белым» колонизатором.

Власть в колониях носит по существу диктаторский характер: она не контролируется общественным мнением — если не считать нескольких тысяч (а то и нескольких сот) белых плантаторов и торговцев. Туземное же общественное мнение обычно не существует или, во всяком случае, лишено возможности заявить о себе. В этих условиях даже и то достаточно лицемерное утверждение, которое часто можно слышать в Англии, будто «суды не зависимы от правительства», становится совершенно беспочвенным. Кроме того, в колонии обязательно направляют менее квалифицированных, менее опытных судей, деятельность которых осложняется климатическими условиями, незнанием языка местных жителей, отсутствием специальной литературы и сводов законов, а зачастую — и отсутствием искусных прокуроров и адвокатов. Трудность для обвиняемого найти защитника, особенно в политическом деле, уже с чисто технической точки зрения ослабляет эффективное отправление правосудия, делая тем самым судебную систему еще более надежным орудием в руках колониальных властей.

Это можно наглядно проиллюстрировать на примере британской колонии Кении. Если африканец, обвиненный в политическом преступлении, захочет, чтобы его защищал адвокат-соотечественник, он обнаружит, что в Кении имеются всего один или два таких адвоката, да и то очень молодые. Остальные защитники — это либо азиаты (индийцы или пакистанцы), либо европейцы. Несомненно, среди них встречаются знающие и мужественные люди. Но, не говоря уже о том, что обвиняемый африканец, возможно, не вполне доверяет им, адвокаты азиатского происхождения знают, например, что, выступив с защитой такого обвиняемого, проходящего по важному политическому делу, они должны раз и навсегда оставить надежду найти в будущем клиентов среди европейцев. С другой стороны, адвокаты-европейцы, если они вообще берутся защищать африканцев, столь далеки от них по своим взглядам, чувствам и воззрениям, что их защита редко оказывается действенной.

Таковы некоторые особенности колониального суда, которые используются властями многих английских колоний в своих интересах. Что же можно сказать о законах, которыми руководствуются эти суды? В общих чертах они распадаются на три категории. К первой из них принадлежат законы, которые можно найти в любом цивилизованном обществе, — например, законы против убийства, воровства, насилия. Во вторую категорию входят законы о политических преступлениях, также предусматриваемые (в той или иной степени) законодательством любой страны, причем эти законы служат делу охраны позиций буржуазного правительства. Это — законы против подстрекательства к мятежу, клеветнических нападок на правительство и т. п. В колониях они, как правило, гораздо шире и строже, чем в метрополиях. Наконец, существует еще третья категория законов, на которую ничего похожего не сыщется, вероятно, ни в одной метрополии. Сюда относятся законы о высоких подушных налогах, уплачиваемых в денежной форме, назначение которых — принудить большое число местных жителей бросить свои деревни и идти на заработки в город, на фабрики или в личное услужение к колонизаторам; «законы о пропусках», ограничивающие передвижение туземцев с тем, чтобы они могли направляться лишь в те города, где их работа нужна европейцам; законы об организациях, ограничивающие право туземных жителей вступать в политические — да, собственно, и в любые другие — организации или проводить публичные собрания; законы о труде, предусматривающие заключение в тюрьму туземцев, оставивших без разрешения работу у колонизаторов, и т. д.

За нарушение любого из подобных законов туземцы подлежат привлечению к суду — тому самому, о котором уже было сказано. Разбирают дела туземцев судьи-европейцы, разделяющие (быть может, не всегда осознанно) всю систему взглядов европейских колонизаторов, в том числе и «теорию» о неполноценности туземцев и высокой справедливости колониальных порядков.

Мне хочется проиллюстрировать практическое действие колониальных законов на конкретном примере, рассказав об одном случае — отнюдь не единственном или необычном, — который произошел несколько лет назад в Кении. Правда, дело происходило в период «чрезвычайного положения», однако в районе страны, на который оно не распространялось. Некто европейский плантатор избил до смерти одного из своих туземных слуг. Властям пришлось отдать плантатора под суд. Как европеец он подлежал суду европейских присяжных; будь он туземцем, его дело поступило бы на рассмотрение судьи-европейца без всякого суда присяжных. Присяжные сняли с плантатора обвинение в убийстве, но признали его виновным в «нападении»! Вслед за тем судья-европеец, вместо того чтобы отправить плантатора в тюрьму, наложил на него небольшой штраф. При этом судья тут же заявил, что, если бы присяжные и признали плантатора виновным в убийстве, он, судья, все равно ограничился бы скорее всего тем же наказанием.

Таково правовое положение туземного населения во многих английских (и не только английских) колониях, и в частности в Кении. Речь идет об условиях в нормальное время, если вообще можно говорить о нормальном времени в колониях во второй половине XX в. Когда же в них вводится так называемое «чрезвычайное положение», все эти возмутительные черты колониальной судебной системы неизбежно усиливаются во сто крат.

Нам хочется показать это на примере одного политического процесса, который происходил в Кении как раз в период «чрезвычайного положения». До 1952 г. Кения считалась в английских колониальных кругах, с точки зрения возможности в ней народного восстания, сравнительно «отсталой». Там происходило гораздо меньше так называемых «беспорядков» (по выражению колониальных властей), нежели в большинстве других африканских колоний Англии. Во второй половине 1952 г. количество «преступных актов насилия» даже шло на убыль. Однако колониальные власти Кении, которые всецело руководствовались взглядами «поселенцев» (т. е. европейских плантаторов, с большой выгодой для себя возделывавших огромные участки плодородной земли и, как правило, придерживавшихся самых крайних воззрений относительно «неполноценности туземцев» и своего собственного превосходства), были серьезно встревожены ростом влияния «Африканского союза Кении», единственной разрешенной в колонии политической организации африканцев. Союзу

приходилось работать в самых тяжелых условиях: так, например, ему разрешалось проводить собрания лишь со строго ограниченной повесткой дня. Несмотря на это, число членов организации достигло 100 тыс. Опасаясь возбудить слишком сильное негодование африканского населения, власти не осмеливались объявить союз вне закона, хотя могли сделать это одним росчерком пера, причем он был бы лишен даже права оспаривать такое постановление в суде или в других инстанциях. Но, видимо, боязнь дальнейшего роста авторитета союза, а возможно, также тревога, вызванная деятельностью организации «Мау-Мау»¹, незадолго перед тем объявленной вне закона, побудили администрацию колонии прибегнуть к другой мере — ввести «чрезвычайное положение». Такое право было предоставлено властям на основе общего колониального законодательства, принятого английским правительством после первой мировой войны из страха перед нарастающим в колониях под воздействием идей Октябрьской революции движением сопротивления.

Указ о чрезвычайном положении был равносильен введению того, что в Европе принято называть «восным положением». Облекая губернатора диктаторскими полномочиями, указ давал ему право предоставлять своим подчиненным почти неограниченную свободу действий: они могли, например, арестовать и держать в тюрьме без суда и следствия длительное время любого жителя колонии.

В первые же часы после издания указа, в сентябре 1952 г., власти арестовали и упрятали в тюрьму большое число африканцев. Среди них были председатель «Африканского союза Кении» Джомо Кениатта, признанный вождь африканского населения колонии, а также ряд его соратников, принимавших активное участие в руководстве союзом. Арестованных сразу же перевели на север, в отдаленную часть Кении, в так называемый «закрытый район» на краю пустыни. Вначале казалось вероятным, что этих ни в чем неповинных людей попросту продержат там в течение некоторого времени без суда. Однако властям пришла мысль (до или после введения «чрезвычайного положения», неизвестно), что было бы весьма выгодно с помощью судебного процесса доказать причастность Кениатты и его коллег, а значит и всего «Африканского союза Кении», к нелегальной деятельности «Мау-Мау». Между тем сами эти деятели и союз в целом выдвигали весьма умеренные политические лозунги: больше земли африканскому населению, улучшение образования, большее привлечение африканцев к участию в управлении своей страной. Агитация за эти лозунги велась союзом в рамках закона. Руководители союза не раз открыто осуждали методы деятельности «Мау-Мау». Существование легального, конституционного движения, наряду с движением нелегальным, — явление, разумеется, весьма распространённое. Англия хорошо знает это, хотя бы на примере истории Ирландии.

Власти Кении, по-видимому, воображали, что, если им удастся «очернить» «Африканский союз Кении», доказав его причастность к деятельности «Мау-Мау», то союз тем самым лишится сочувствия широких кругов английской общественности, а также населения Кении и других стран, и таким образом колониальные власти в конце концов избавятся от единственной существующей массовой организации африканцев в Кении.

Ввиду этого было решено не держать Кениатту бессрочно в тюрьме, а возбудить против него и его коллег судебное дело по обвинению в «руководстве нелегальной организацией» и «причастности к нелегальной организации», под которой подразумевалась организация «Мау-Мау».

Поскольку темой нашего сообщения является использование судов в качестве орудия подавления освободительной борьбы в колониях и поскольку тема эта раскрывается главным образом на примере процесса Кениатты и его коллег, мы подробнее остановимся на возникновении и ходе этого процесса.

Каждый этап его представляет разительный пример вопиющих нарушений существующей судебной процедуры и норм, соблюдением которых столь любят похвастаться англичане у себя на родине и в колониях. В самой Англии они действительно обычно в большей или меньшей степени соблюдаются.

¹ «Мау-Мау» — организация, выступавшая за применение насильственных методов борьбы против колонизаторов. Находясь в подполье, она окрепла и развернула активную борьбу против колониальных властей.

Когда возбуждается какое-либо дело, то прежде всего (наряду с отысканием улик, подтверждающих обвинение) необходимо решить, где именно оно будет слушаться. В Англии существует на этот счет весьма строгое правило, предусматривающее, что суд должен проходить в том районе, где было совершено «преступление». Это правило имеет важное значение, так как при его соблюдении обычно гораздо легче найти свидетелей и доставить их в суд. С некоторыми добавлениями это правило включено в Уголовный кодекс, разработанный английскими властями в Индии; в общих чертах этот же кодекс применялся и в Кении. Но здесь в него была внесена поправка, разрешавшая слушать дело также и в том районе, где был арестован обвиняемый.

Власти Кении были очень заинтересованы в том, чтобы процесс Кениатты не происходил (как это полагалось по закону) в Найроби — главном городе колонии, где находился Верховный суд, проживали обвиняемые и большинство свидетелей и имели место основные события, послужившие поводом для судебного преследования. Администрация колонии стремилась прежде всего избежать гласности и, главное, помешать сотням, а может быть, и тысячам африканцев присутствовать на суде над их любимым руководителем. Поэтому, совершенно не считаясь с интересами обвиняемых, власти прибегли к следующему маневру.

Как уже было сказано, обвиняемых тотчас после их ареста отправили в отдаленную часть колонии. Там они были вскоре освобождены, причем власти с неприкрытым бесстыдством заявили, что общественные интересы уже не требуют дальнейшего содержания этих людей в тюрьме. Однако тут же они были арестованы вторично, и им было предъявлено упомянутое обвинение в причастности к деятельности «Мау-Мау». Теперь в соответствии с буквой закона их могли судить не в столице — Найроби, а в этом районе — в 450 км от нее. В этом отдаленном уголке колонии не было ни подходящего для суда помещения, ни средств снабжения продовольствием и водой, ни телеграфа или телефона. Более того, там никогда не было даже мирового судьи, а незначительные судебские обязанности обычно выполнялись представителем исполнительной власти (окружным комиссаром), не имевшим юридического образования. Власти «преодолели» эти трудности, забрав под суд здание школы и назначив мировым судьей одного бывшего судью, вышедшего на пенсию.

Добившись столь сомнительными средствами, чтобы дело слушалось в отдаленном районе, колониальные власти сумели воспользоваться еще и другим принятым в Кении своеобразным правилом судебной процедуры, помогавшим обвинению и затруднявшим защиту. Одно из основных положений уголовных кодексов всех цивилизованных стран гласит, что во всех серьезных случаях обвиняемые должны знать не только, что им инкриминируется, но и какими свидетельскими показаниями поддерживается обвинение. В Советском Союзе и в большинстве других европейских стран это достигается тем, что протокол допроса свидетелей подшивают к делу и показывают затем обвиняемому. Кроме того, все обстоятельства дела подробно излагаются в обвинительном заключении. В Англии следователь допрашивает свидетелей в ходе так называемого «предварительного следствия», на котором присутствуют обвиняемые и их защитники. При правильном применении закона и та и другая системы обеспечивают ознакомление обвиняемых с выдвинутыми против них обвинениями и со свидетельскими показаниями. Тем самым обвиняемые получают время и возможность подготовиться к защите. Но в Кении обвинитель имеет право требовать — даже в серьезных случаях, — чтобы дело слушалось сразу в мировом суде без всякого изучения дела или предварительного следствия (а также без изложения дела в обвинительном заключении, так как в английской судебной практике это вообще не принято). В деле Кениатты власти решили придерживаться именно этого метода. В результате обвиняемые впервые ознакомились с показаниями свидетелей обвинения только на самом суде. Теперь обвиняемым, находившимся в тюрьме, предстояло искать своих свидетелей за 450 км от места суда. Их защитники должны были вести дело и не могли, следовательно, отлучиться на поиски свидетелей. К тому же документы, которыми располагали обвиняемые, были конфискованы полицией во время первого ареста.

Все эти трудности выявились, однако, позднее. В начале процесса, происходившего в импровизированном суде, в закрытом районе, обвиняемые вообще не имели

защитников; к тому же им было нелегко снестись с Найроби. Тем не менее их друзья узнали о процессе и направили в суд индийского юриста, который взялся представлять интересы обвиняемых. Сведения о процессе проникли также в печать, которая заинтересовалась этим делом.

Если власти намеревались «провернуть» дело быстро и без шума — имеются основания это предполагать, — то их ожидало разочарование. Помимо индийского юриста, вскоре были вызваны еще три адвоката — из Англии, Индии и Нигерии. Свои услуги предложили также еще несколько защитников из колонии Золотой Берег (ныне государство Гана), из Судана и Индии, но им было отказано в разрешении на въезд в Кению. Одному из них, правда, разрешили приехать, но с условием, что он не будет принимать участия в работе защиты; иными словами, ему запретили заниматься как раз тем, ради чего он приехал в Кению!

Процесс, продолжавшийся более 100 дней, возбудил живой интерес общественности. Почти все время на нем присутствовало семь или восемь журналистов из разных районов мира, хотя как адвокатам, так и журналистам приходилось жить в 45 км от места суда, ежедневно совершать поездки по плохим и опасным дорогам, возить с собой пищу и воду.

Власти Кении стремились, разумеется, как-то подтвердить свои обвинения. С этой целью они выставили 43 свидетеля, рассказавших о многочисленных инцидентах; однако большая часть показаний этих свидетелей была мало убедительна и не представляла особого значения. Насколько косвенное отношение к делу имело большинство этих свидетельских показаний, видно хотя бы из того, что несколько свидетелей было вызвано с целью подтверждения участия Кениатты в церемониях посвящения в члены «Мау-Мау» еще в ту пору, когда эта организация была разрешена законом. Вместе с тем ни один из свидетелей не взялся подтвердить, что Кениатта имел какое-либо отношение к подобным церемониям после запрещения «Мау-Мау». Тем самым естественно напрашивался вывод, что с этого времени он не поддерживал с «Мау-Мау» никакой связи. Обвиняемые решительно заявили, что у них никогда не было ничего общего с «Мау-Мау».

Обвиняемым и их защитникам, конечно, нужно было изучить эти и другие показания свидетелей обвинения (хотя и имевшие столь же мало отношения к делу), чтобы знать, следует ли им вызывать своих свидетелей, ибо, как уже было сказано, обвиняемые до суда не имели никакого представления о том, что будут показывать свидетели обвинения.

Из 43 свидетелей обвинения 25 были полицейскими, чиновниками и переводчиками. Показания еще четверых вообще не имели отношения к делу. Из 14 остальных, которые как будто могли что-то доказать, девять были осведомителями или агентами, т. е. относились к наиболее ненадежному типу свидетелей; в отношении четырех имелось сильное подозрение, что они принадлежат к той же категории, и только один свидетель был свободен от такого подозрения.

Когда свидетели обвинения закончили свои показания и защита получила, наконец, достаточно полное представление о предъявленных обвинениях, она была готова выставить внушительное число своих свидетелей, невзирая на расстояние, на отсутствие документов и умелых помощников, которые могли бы отправиться за 450 км в Найроби или его окрестности, чтобы допросить людей. Тут, однако, защита столкнулась с новыми трудностями. По закону о «чрезвычайном положении» ни один африканец не имел права переезжать без разрешения из одного района в другой. Поэтому, когда нужно было вызвать в качестве свидетеля кого-либо из африканцев, приходилось просить сначала разрешения на выезд. Поскольку эти люди должны были заявить полиции о своем желании помочь обвиняемым, обвинение очень быстро узнавало, о чем они собираются говорить на суде. Таким образом, пользуясь полицейским досье, оно получало возможность подготовиться к перекрестному допросу.

И все же, невзирая на все препятствия, защите удалось выставить большое количество свидетелей. Среди них было немало и таких, которые, по утверждению свидетелей обвинения, присутствовали при инцидентах, якобы доказывавших связь обвиняемых с «Мау-Мау». Поскольку они не были вызваны обвинением, хотя оно должно было это сделать, их пригласила защита.

В конечном счете судья принял показания почти всех свидетелей обвинения, невзирая на их репутацию и на то, что выявилось в ходе перекрестного допроса, и отклонил все показания свидетелей защиты, в том числе и тех, чьи имена, как уже говорилось, были названы свидетелями обвинения. Суд признал всех шестерых обвиняемых виновными и приговорил их к максимальным срокам тюремного заключения, присовокушив к этому еще и «рекомендацию об ограничении прав». Такая рекомендация дает властям право ограничить местожительство обвиняемого, после того как он полностью отбудет свой срок, одним определенным районом. По усмотрению властей район этот может быть — и обычно бывает — очень небольшим. Таким образом, человека в сущности приговаривают к пожизненному заключению за преступление, за которое ему по закону полагается только, скажем, семь лет тюрьмы. В данном случае это означало, что, когда «чрезвычайное положение» будет отменено, обвиняемые, если их срок заключения к тому времени уже истечет и они не будут подлежать интернированию, все же останутся еще неопределенно долгое время под стражей на основании указа об ограничении прав.

Нелишне, быть может, добавить, что в ходе процесса судья сделал попытку, которая невольно приводит на память инциденты, имевшие место на некоторых процессах в США в связи с применением «закона Смита», а именно: обвинить ведущего адвоката в «пренебрежении к суду». Если бы это обвинение имело успех, адвоката могли бы выслать из Кении или даже бросить в тюрьму, чтобы лишить обвиняемых его услуг. Однако попытка эта провалилась. Дело было в том, что адвокат послал нескольким членам английского парламента телеграмму, в которой жаловался на некоторые указанные выше методы властей Кении, несерьезно осложнявшие задачу защиты. Судья истолковал эту телеграмму как обвинение не администрации колонии, а его лично. Верховный суд, оправдав адвоката, заявил, что с подобным толкованием телеграммы не мог бы согласиться «ни один здравомыслящий человек».

Обвиняемые обжаловали приговор в апелляционном суде, и при разборе дела выявился один любопытный факт формального порядка. Оказалось, что, назначая судью, колониальные власти неправильно указали в соответствующем документе провинцию — они попросту не знали, на какие провинции разделена колония, введенная их управлению. Несмотря на формальное значение этого факта, он дал обвиняемым возможность добиться отмены вынесенного приговора. Апелляционный суд согласился с доводом о недействительности всего процесса в целом.

Но власти ни в коем случае не хотели выпустить обвиняемых на свободу. Поэтому еще до решения апелляционного суда был снова издан указ о их задержании. И так, все должно было начаться сначала. Ради того, чтобы добиться осуждения обвиняемых за участие в деятельности «Мау-Мау», власти были готовы пойти на любые ухищрения.

Они обжаловали решение апелляционного суда в высшем апелляционном суде, который восстановил приговор первого суда. Обвиняемые, решившие в свою очередь воспользоваться всеми доступными им средствами, невзирая ни на какие трудности, обратились в верховную судебную инстанцию в Лондоне, но их апелляция была отклонена. Тогда, в соответствии со своим законным правом, они снова обратились в первый апелляционный суд — на этот раз, чтобы обжаловать приговор по существу. Суд оправдал одного из обвиняемых, оставив в силе приговор в отношении пяти остальных. Оправданный был освобожден, но тут же арестован по новому распоряжению властей. Вторичная апелляция в Лондон не принесла успеха.

Так закончилось это важное дело. Оно представляет собой лишь один из множества примеров того, как суды и законодательство используются во многих колониях для поддержания колониальной системы и подавления борьбы поработенных народов за свободу. И все-таки с каждым днем становится яснее, что подобные репрессивные методы представляют собой лишь арьергардные бои. Остатки колониализма все еще несут народам кровь и страдания, все чаще чреватые третьей мировой войной. Но дни колониальной системы сочтены. С ее окончательным крахом исчезнут тучи, омрачающие жизнь многих миллионов людей.